

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Образъ Гора.

I.

Мѣсто повѣсти среди произведеній народной поэзіи.

Вопросъ объ отношеніи Повѣсти о Горѣ-Злочастіи къ русской народной поэзіи пока еще не рѣшенъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Первый издатель повѣсти, Н. И. Костомаровъ, колебался въ опредѣленіи ея характера; признавая, что по формѣ она принадлежитъ къ разряду былинь, Костомаровъ не считъ возможнымъ всецѣло причислить ее къ этому разряду; по выраженію Костомарова, „и философскій тонъ, и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе“. То же колебаніе замѣтно у всѣхъ изслѣдователей, касавшихся повѣсти. Последній издатель ея, г. Сиповскій, видитъ въ народныхъ произведеніяхъ, группирующихся около повѣсти, „элементы, изъ которыхъ она сложилась“; но обращаясь къ пѣснямъ о Горѣ, ближайшимъ по содержанію къ повѣсти, г. Сиповскій признаетъ, что эти пѣсни въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сокращаютъ текстъ повѣсти ¹, изъ чего прямо слѣдуетъ выводъ, что онѣ восходятъ къ ней и не могли служить ея элементами.

Чтобы выяснитъ отношеніе повѣсти къ устнымъ произведеніямъ, необходимо прежде всего опредѣлить составные элементы повѣсти. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ чертамъ:

- 1) Грѣхопаденіе Адама.
- 2) Наставленія родителей молодцу.
- 3) Ограбленіе молодца другомъ въ кабацѣ и уходъ на чужую сторону.
- 4) Молодецъ на пиру.
- 5) Наставленія добрыхъ людей.

¹ Вводная статья Костомарова перепечатана при изданіи П. Симони: Памятники стариннаго русскаго языка и словесности, вып. VII, 1, Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, стр. 5. Вводная ст. В. В. Сиповскаго—въ его изданіи: Русскія повѣсти XVII—XVIII в.в. Спб. 1905. Стр. XXXVI—XXXVII.

- 6) Наживаніе богатства.
- 7) Намѣреніе жениться.
- 8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.
- 9) Совѣтъ Горя отказать невѣстѣ и идти въ кабакъ.
- 10) Второй совѣтъ Горя, явившагося въ видѣ Архангела Гавріила.
- 11) Второе пьянство молодца и второй уходъ на чужую сторону.
- 12) Рѣка на дорогѣ.
- 13) Намѣреніе молодца утопиться.
- 14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.
- 15) Перевозчики перевозятъ молодца за его хорошую напѣвочку.
- 16) Добрые люди, крестьяне, совѣтуютъ молодцу идти на родину и просить прощенія у родителей.
- 17) Новое появленіе Горя въ полѣ.
- 18) Оборотничество молодца и Горя.
- 19) Горе совѣтуетъ бить и грабить людей.
- 20) Уходъ молодца въ монастырь.

Таковы основныя черты содержанія новѣсти. Отдѣльно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ находятся во многихъ народныхъ произведеніяхъ; но для насъ важнѣе найти такія, въ которыхъ повторялись бы всѣ главнѣйшія черты содержанія повѣсти. Таковыми нужно признать двѣ „старинны“, записанныя въ Кижахъ, Петрозаводскаго у., отъ двухъ извѣстныхъ сказателей Кузьмы Романова¹ и Трофима Рябинина². Изъ 20 намѣченныхъ выше чертъ въ содержаніи повѣсти въ пересказѣ Романова содержатся слѣдующія 12 чертъ: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 18, 20. Въ пересказѣ Рябинина содержится слѣдующія 4 черты: 6, 11, 17, 18; что касается третьей черты, то она измѣнена въ томъ смыслѣ, что молодца грабитъ не другъ, а голи кабацкіе. Изъ этого сравненія видно, что пересказъ Рябинина столь же отличается отъ пересказа Романова, какъ послѣдній отъ повѣсти; но и въ первомъ содержатся черты повѣсти, вынавшія въ пересказѣ Романова. Тотъ видъ былины, отъ котораго пошли два извѣстные намъ варианта, очевидно, имѣлъ 14 чертъ изъ намѣченныхъ мною 20. Отсюда ясно, что повѣсть и двѣ былины представляютъ собою три варианта одного и того же произведенія. Можно думать, что нѣкоторыя черты новыхъ пересказовъ выпали еще въ повѣсти, несмотря на то, что она была записана въ XVII в. Сюда, напр., можно отнести названіе рѣки „Смородина“, сохраненное въ пересказѣ Романова (а также въ краткихъ пересказахъ сборника Варенцова).

¹ Пѣсни Рыбникова, I изд., т. I, 479; II изд., т. I, 307.

² Тоже, I изд., т. 471; II изд., т. I, 133; Гильфердингъ, № 90.

Указанныя отношенія повѣсти къ былинамъ новой записи не устраняють предположенія такого рода: не представляютъ ли собою олоонецкія старины народную передѣлку литературнаго произведенія? Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, остановимся на тѣхъ чертахъ повѣсти, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ указанныхъ былинахъ:

1) Грѣхопаденіе Адама.

Эта черта, играющая роль вступленія въ повѣствованіе, въ той же роли имѣется въ пересказѣ духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, включенномъ въ сборникъ Кирши Данилова. Зачинъ этого пересказа почти буквально совпадаетъ съ зачиномъ повѣсти.

Повѣсть о Горѣ.

Стихъ о Голубиной книгѣ.

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго сотворилъ небо и землю, сотворилъ Богъ Адама и Евву. Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю, далъ имъ заповѣдь божественну: не повелѣлъ вкушати плода винограднаго отъ едемскаго древа великаго... Прельстился Адамъ со Еввою..., вкусили плода винограднаго отъ дивнаго древа великаго... И вселилъ ихъ на землю на нискую... и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть...

Да съ начала вѣка животлѣннаго сотворилъ Богъ небо со землею, сотворилъ Богъ Адама съ Еввою. Надѣлилъ питаньемъ во свѣтломъ раю... жити во свою волю, положилъ Господь на ихъ заповѣдь великую...: не скушать Адаму съ едного древа тово сладка плоду виноградова... Прелестила змѣя подколодная, приносила ягоды съ единого древа. Одну ягоду воскушалъ Адамъ... Опускалъ на землю ево трудную... Отъ своихъ трудовъ онъ сталъ сытымъ быть...

8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.

Эта черта, играющая въ повѣсти роль главнѣйшаго момента, когда впервые появляется Горе; въ той же самой роли имѣется въ стихѣ про удачу-добраго молодца¹. Въ повѣсти молодецъ хвастается своимъ счастьемъ и богатствомъ; его „хвастанье молодецкое“ подслушиваетъ Горе; въ стихѣ онъ восхваляетъ себя за родство и пригожество; Горе является тотчасъ изъ-подъ моста, по которому погуливалъ молодецъ, „со того слова съ молодецкаго“. Въ отличіе отъ повѣсти Горе является въ стихѣ послѣ рѣчи о рѣкѣ Смородынѣ или Смородовкѣ; но въ этомъ отношеніи стихъ сходенъ съ вариантомъ повѣсти—указанной выше былинной Рябинина, въ которой Горе появляется на сцену въ самомъ концѣ, когда молодецъ побѣждалъ въ поле.

¹ В. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 128, 131.

Такимъ образомъ, оказывается, что двѣ важныя черты повѣсти, не сохранившіяся въ олонецкихъ старинахъ, находятся въ другихъ произведеніяхъ устной поэзіи. Изъ этого факта самъ собою вытекаетъ выводъ, что повѣсть о Горѣ-Злочастіи—устное произведеніе, стоящее на границѣ между былинами и духовными стихами.

Донедшій до насъ въ единственной рукописи текстъ Повѣсти о Горѣ-Злочастіи нельзя признать вполне точною записью эпической пѣсни. Нѣкоторыя частности этого текста довольно легко выдѣлить изъ состава Повѣсти, въ виду того, что онѣ не подходятъ подъ стихотворный метръ. Сюда принадлежатъ между прочимъ начальныя слова Повѣсти. Вотъ эти слова: „Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя отъ начала вѣка человѣческаго“. Далѣе слѣдуютъ слова, точно соотвѣтствующія началу „Голубиной книги“ въ пересказѣ Кирии Данилова. Этими словами, и начиналась, очевидно, пѣсня. Что-же касается выдѣленныхъ мною выраженій, то слова „отъ начала вѣка человѣческаго“ не имѣютъ синтаксическаго смысла, слѣдовательно, представляютъ собою очевидную вставку, а стоящія передъ этою вставкою слова являются приступомъ, повидимому, традиционнымъ у сѣверно-русскихъ повѣствователей-книжниковъ XVI—XVII в.в. Точно такимъ приступомъ начинается „Повѣсть о приходѣ царя Іоанна IV Василіевича въ Новгородъ“: „Посѣщеніемъ и изволеніемъ и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа ¹. Сходство между исторической повѣстью о разгромѣ Новгорода и Повѣстью о Горѣ-Злочастіи не ограничивается начальными словами: во введеніи къ первой повѣсти проводится та же идея, что и въ Повѣсти о Горѣ. Авторъ повѣсти о новгородскомъ погромѣ говоритъ о томъ, что „приходитъ съ небеси гнѣвъ Божій на сыны противныя и непокорныя“. Идея необходимости покоряться проводится и во вступленіи къ Повѣсти о Горѣ („племя... къ своей матери непокорливо“). На основаніи изслѣдованія метрической стороны Повѣсти о Горѣ возможно выдѣлить и другія мѣста, въ которыхъ можно распознать авторство неизвѣстнаго лица, записавшаго или, лучше сказать, изложившаго письменно пѣсенный текстъ. Такимъ образомъ можно выдѣлить, напр., слѣдующія книжническія выраженія: 1) „безживотіе злое, сопостатныя находы, злую непомѣрную наготу и босоту, и безконечную нищету и недостатки послѣдніе“; 2) „такое рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери“, и т. п.

Теперь обратимся къ вопросу о происхожденіи поэтическаго образа Горя, который носитъ въ повѣсти не вполне опредѣленный характеръ.

¹ Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879. Стр. 393.

II.

Происхожденіе поэтическаго образа Гора.

Въ одномъ причитаніи, записанномъ въ Олонецкой губ., рассказывается о томъ, что Горе сидѣло въ подземельныхъ норахъ: когда эти норы раскрыли,

Съ подземелья злое Горе разомъ бросилось...
Много прибрало семейныхъ головунекъ,
Овдовило честныхъ мужнихъ молодыхъ женъ,
Осиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.

По замѣчанію Жданова, здѣсь образъ Гора вполне совпадаетъ съ представленіемъ Смерти ¹. Подобнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ повѣсти Горе представлено всегубительнымъ существомъ, похожимъ не на злую участь вообще, а именно на смерть:

Молодецъ сталъ в полѣ ковыль-трава,
А Горе пришло с косою вострою;
Да еще Злочастіе над молотцемъ насмѣялося:
„Быть тебѣ, травонка, посѣченой,
„Тежат тебѣ, травонка, посѣченой
„И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной!“
Пошел молодец в море рыбою,
А Горе за ним сщастными неводами;
Еще Горе злочастное насмѣялося:
„Быти тебѣ, рыбонкѣ, у бережку уловленной,
„Быть тебѣ да и съѣденной,
„Умереть будетъ напрасною смертію!“

Такого рода представленія Гора находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ образахъ смерти, которыя встрѣчаются въ средне-вѣковыхъ памятникахъ: „смерть—косарь, который подкашиваетъ человѣческія существованія, какъ траву; смерть—охотникъ, который ловить людей, точно дичь“ ²; смерть — хищная птица ³. Такіе образы лежатъ въ основѣ широко распространенныхъ лирическихъ или лиро-

¹ Сочиненія И. Н. Жданова, I, 726.

² Ждановъ, Сочиненія, I, 537.

³ Тамъ же, стр. 711—714.

эпическихъ пѣсенъ о Горѣ ¹. Въ нихъ повторяются мотивы кошенія (или жатвы), охоты и прилетанія хищной птицы (или хищнаго звѣря); Горе въ нихъ обладаетъ почти тѣми же родами оружія, что и Смерть въ житіи Василя Новаго и Прѣвня Живота со Смертью ²: косою, серпомъ, граблями, лопатою, сѣтью, неведомъ. Бѣльшая часть этихъ пѣсенъ оканчивается смертью героя или героини, при чемъ Горе закапываетъ ихъ въ землю. Повѣсть о Горѣ-Злочастіи находитъ другой выходъ для молодца въ его борьбѣ съ Горемъ: молодецъ постригается въ монахи, а Горе остается у воротъ монастыря; но одинъ изъ вариантовъ старины о Горѣ заканчивается смертью героя: Горе летѣло за молодцемъ ворономъ, и молодецъ преставился.

Откуда видно, что въ основѣ образа Гора, даннаго въ повѣсти, былъ литературный образъ Смерти. По этому есть полное основаніе сравнивать повѣсть съ тѣми произведеніями, которыя рассказываютъ о борьбѣ героя со смертью. При этомъ, конечно, нужно взять лишь вторую, меньшую, половину повѣсти, такъ какъ въ первой половинѣ (въ изданіи г. Симони стр. 27 — 38, строки 1—208) Горе не упоминается.

Прежде всего сравнимъ повѣсть съ Прѣвнѣмъ Живота со Смертью.

8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.

Молодецъ хвалится своимъ богатствомъ. Въ Прѣвнѣ богатырь хвалится силою ³, но въ то же время онъ „богатъ зѣло, имѣя у себя много злата и серебра, и красныхъ ризъ“ ⁴. Смерть въ Прѣвнѣ является такъ же неожиданно, сейчасъ же за похвальбою, какъ и Горе—въ повѣсти. Слова Гора:

„Бывали люди у меня Гора,
„И мудрая тебя и досужае—
„И я ихъ, Горе, перемудрило..
„До смерти со мною боролися..
„Нани ⁵ они во гробъ вселилися“.

Въ Прѣвнѣ то же самое говоритъ Смерть: „Не мудрая ты царя Соломона..., не умная ты Акира Премудраго ⁶... Человѣци тацїи же быша, яко и ты—и противо мя не могоша братися“ ⁷.

Въ повѣсти Горе представлено злымъ демономъ-искусителемъ.

¹ Эти пѣсни указаны мною въ Бѣломорскихъ былинахъ, стр. 612.

² См. Соч. Жданова, I, 707, 697, 701.

³ Ждановъ, I, 700—701.

⁴ См. приложение.

⁵ Пока не.

⁶ См. приложение.

⁷ Ждановъ, I, 695.

Но въ концѣ оно является совершенно другимъ существомъ, что противорѣчитъ общему замыслу слагателя. Когда молодецъ хочетъ утопиться.

14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.

Горе напоминаетъ ему, что прежде онъ не захотѣлъ покориться и поклониться своимъ родителямъ. Въ Прѣніи Смерть говоритъ Животу: „Было ти врѣмя покаяться, но въ гордости и въ славѣ прѣбыть“¹. Роль Смерти здѣсь вполне понятна; что же касается подобнаго нравоученія Гора, то оно можетъ быть объяснено лишь, какъ заимствованіе изъ Прѣнія.

Съ Прѣніемъ стоитъ въ весьма близкой связи стихъ объ Аникѣ-воинѣ. Поэтому есть сходство между повѣстью и стихомъ. Нѣкоторыя черты Смерти, какъ она изображена въ стихѣ, вполне отвѣчаютъ чертамъ Гора въ повѣсти. Въ стихѣ Смерть говоритъ Аникѣ:

Нѣтъ у меня, у смерти,
Не отца и не матери,
Нѣтъ и малыхъ дѣтокъ,
Нѣту и молодой жены,
Нѣтъ ни сродниковъ, ни пріятелей...
Я гдѣ раба застигаю,
Я тутъ раба воскошаю:
Хоть во чистымъ полѣ,
Хоть на синімъ морѣ,
Хоть въ темнымъ лѣсѣ,
Хоть при пути, при дороги².

Горе не такое одинокое, какъ Смерть; поэтому въ повѣсти оно не можетъ говорить объ отсутствіи у него родни; но порядокъ расположенія мыслей въ повѣсти тотъ же, что и въ стихѣ.

Не одно я Горе — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладкіе, умильные.
А кто въ семью къ намъ примѣшается,
Ино тотъ между нами замучится...
Хотя клянся во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.

¹ Тоже, 697.

² Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 126, стр. 116.

Нѣкоторое сходство представляютъ слѣдующія слова Смерти и Гора. Смерть говоритъ Аникѣ:

Гдѣ тужутъ, плачутъ,
Тутъ мнѣ, смерти, и праздникъ ¹.

Горе говоритъ молодцу:

Хочу я, Горе, въ людехъ жить...
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ.

Наконецъ, повѣсть сближается съ Прѣніемъ и со стихомъ объ Аникѣ обиліемъ разговоровъ. Появленіе длинныхъ рѣчей Гора въ повѣсти трудно объяснить иначе, какъ вліяніемъ Прѣнія, представляющаго въ своей старой формѣ чистый діалогъ.

А. В. Марковъ.

¹ Варенцовъ, 127.